

Духовникъ Святогорской Успенской пустыни іеромонахъ Іоанникій *).

Память 10-го февраля.

Іеромонахъ Іоанникій родился въ 1823 году и при святомъ крещеніи наименованъ Трофимомъ. Родители его государственные крестьяне Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, Никита и Марѳа Аверкіевы, были люди многосемейные, и Трофимъ былъ однимъ изъ младшихъ ихъ дѣтей. Мальчикъ отличался особенною понятливостью и благочестіемъ, любилъ бывать въ церкви, и когда мать его ходила въ церковь по праздникамъ, то всячески упрашивалъ взять и его съ собою. Но это не всегда удавалось: отъ хутора, гдѣ жили его родители, церковь отстояла неблизко, по пути къ ней предстояло переходить ручей, гдѣ мостки были ненадежны, такъ что Трофимъ, идя однажды съ матерью въ церковь, свалился въ воду и причинилъ матери задержку, почему она потомъ уже неохотно брала его съ собою и большею частью отказывала ему сопутствовать ей. Оставаясь дома, Трофимъ всегда горько плакалъ, что его не брали въ церковь, куда, по собственному сознанію его, влекла его какая то непреодолимая сила. Однажды въ воскресный день, отецъ и мать его пошли въ церковь къ обѣднѣ, взяли съ собою его старшихъ братьевъ, его же оставили дома. Наплакавшись вволю по этому поводу, Трофимъ вышелъ изъ избы во дворъ, предъ которымъ разстилался зеленый общественный выгонъ, и вдругъ

*) Душеполезн. Чтеніе. 1882 г.

видитъ онъ на выгонѣ стоящую на пригоркѣ прекрасную каменную пятиглавую церковь. Удивляясь тому, откуда взялась тутъ церковь, пошелъ онъ со двора на выгонъ, ближе посмотрѣть на нее, обошелъ ее вокругъ, долго любовался ею, пытался въ нее взойти, но церковь была заперта и, когда взялся онъ за замокъ входной ея двери, вдругъ стала невидима, — онъ очутился стоящимъ на зеленой травѣ выгона, въ пустомъ пространствѣ поля. Это несказанно его удивило, онъ не скоро пришелъ въ себя, и когда родители его возвратились изъ церкви, посидѣвши рассказать имъ свое видѣніе. Тѣ сперва не обратили на слова мальчика должнаго вниманія, но потомъ, когда родитель его на крестьянскомъ сходѣ рассказалъ видѣнное его малолѣтнимъ сыномъ, одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ стариковъ крестьянъ подтвердилъ это видѣніе, говоря, что самъ на зарѣ видѣлъ на томъ же мѣстѣ церковь и не разъ слышалъ звонъ церковный съ того мѣста. Крестьяне пожелали видѣть малолѣтняго Трофима и отъ него лично слышать рассказъ о его видѣніи. Трофимъ былъ приведенъ отцемъ своимъ на крестьянскій сходъ. Подробно рассказавъ обществу крестьянъ, гдѣ и какую церковь видѣлъ онъ на выгонѣ, онъ по желанію ихъ повелъ ихъ на выгонъ и показалъ самое мѣсто, которое тутъ же было названо колыями съ четырехъ угловъ, и крестьяне порѣшили собирать пожертвованія и на самомъ дѣлѣ построить тутъ каменную церковь; въ ней чувствовалась настоятельная нужда, такъ какъ приходская ихъ церковь отстояла отъ нихъ недалеко и къ тому же раздѣлялась отъ нихъ ручьемъ, весеннею порою сильно наводнившимся и дѣлавшимъ доступъ для нихъ къ церкви весьма затруднительнымъ и опаснымъ. Такъ какъ крестьяне были зажиточные, то вскорѣ потребная сумма была собрана, и церковь начали строить во имя Казанской иконы Богоматери. Въ нѣсколько лѣтъ церковь была построена, освящена и вышла по наружности весьма схожею съ тою, которую видѣлъ въ видѣніи Трофимъ. Подростая,

на 16-мъ году жизни, Трофимъ задумалъ идти въ монастырь и началъ просить родителей своихъ благословить его и отпустить для этого въ Толшевскій монастырь. Но родители его очень огорчились на сына, особенно отецъ. Заскорбѣлъ юноша и не зналъ, какъ ему быть. И вотъ видитъ онъ во снѣ церковь и соборъ монаховъ, въ мантияхъ и клобукахъ чинно идущихъ на сходъ среди церкви, и поющихъ пѣснь Божественную, они взяли и его за руки и повели за собою, говоря: иди съ нами, не бойся родителей огорчить, воля Божія быть тебѣ съ нами. Проснувшись, онъ рѣшился тайкомъ отъ родителей идти въ монастырь, наскоро собрался, взялъ кусокъ хлѣба въ пастушескую сумку, и, какъ былъ, въ одной ветхой крестьянской свиткѣ, босой, пошелъ въ путь по направленію къ Толшевскому монастырю. Нелегка показалась ему съ непривычки дальняя пѣшеходная дорога. Наконецъ достигъ онъ воротъ Толшевскаго монастыря: время было послѣобѣденное, и нѣсколько монаховъ стояло за воротами. Увидавъ босого мальчика, спросили они его, зачѣмъ пришелъ. Трофимъ отвѣтилъ, что пришелъ, чтобы поступить въ монахи. Одинъ изъ монаховъ, почтенный старецъ съ сѣдою бородою, взялся свести его въ келлію настоятеля. Это былъ іеромонахъ Іаковъ, изъ Саровской пустыни, гдѣ былъ знаемъ и любимъ блаженнымъ старцемъ Серафимомъ Саровскимъ. Іаковъ проводилъ жизнь подвижническую и пользовался уваженіемъ братіи. Приведенный имъ въ переднюю настоятельскихъ келлій, не безъ страха ожидалъ Трофимъ рѣшенія участи своей со стороны настоятеля. Вышедъ къ нему, настоятель, низенькій сѣдой старичекъ, удивился оборванному виду пришельца, счелъ его за нищаго и хотѣлъ дать ему подаище. Когда же іеромонахъ Іаковъ объяснилъ ему желаніе Трофима поступить въ число братіи, настоятель началъ говорить ему, что еще очень молодъ онъ, не снесетъ трудовъ и скорбей монастырскихъ, и совѣтовалъ ему идти обратно домой. Когда это не помогло, и юноша оста-

вался непреклоненъ въ желаніи своемъ поступить въ монастырь, настоятель, шутя, сдѣлалъ грозный видъ, велѣлъ прислужникамъ принести пучекъ розогъ, говоря: вотъ я тебя отучу шататься попустому, уходить отъ работы дома: снимай одежду свою, я тебя накажу, будешь помнить нашъ монастырь. Юноша безпрекословно снялъ свитку свою и легъ на полу, у ногъ настоятеля, готовый принимать удары. Видя таковую его рѣшимость и безропотность, настоятель и іеромонахъ Іаковъ переглянулись между собой, и, перемѣнивъ тонъ рѣчи, настоятель велѣлъ Трофиму встать и подробно рассказать ему: откуда онъ, какіе поводы привели его въ монастырь, не сдѣлалъ ли онъ какого преступленія и не укрывается ли въ монастырь отъ наказанія. Рассказавъ все подробно о себѣ настоятелю, Трофимъ упалъ ему въ ноги и со слезами просилъ не отгонять его отъ себя и сдѣлать монахомъ. Настоятель велѣлъ іеромонаху Іакову взять его къ себѣ въ келлію и руководить имъ въ новоначаліи иноческаго житія. Отецъ Іаковъ привелъ его къ себѣ въ келлію, накормилъ, приодѣлъ и оставилъ его у себя келейникомъ. Келліи Іаковъ занималъ тѣ самыя, гдѣ нѣкогда проживалъ святитель Христовъ Тихонъ Задонскій чудотворецъ, во время жителства своего на покоѣ въ Толшевскомъ монастырѣ. Въ нихъ сохранялось, какъ святыня, и кресло святителя, стоявшее подъ чехломъ въ переднемъ углу у святыхъ иконъ. Старецъ Іаковъ никогда самъ не дерзалъ садиться на это кресло; но Трофимъ, не зная еще о его значеніи, однажды усѣлся на немъ въ отсутствіе своего старца, но какою то необъяснимою силою былъ согнанъ съ него, не могъ усидѣть на креслѣ этомъ, и когда пришелъ въ келлію старецъ его отецъ Іаковъ, то рассказалъ ему случившееся. Тогда Іаковъ объяснилъ ему значеніе кресла и строго запретилъ ему на немъ садиться. Смиранный, послушный и вротвій Трофимъ расположилъ къ себѣ старца Іакова, который относился къ нему съ отеческою любовію. Монастырскіе порядки и обы-

чаи очень нравились Трофиму; онъ и не думалъ скучать, а напротивъ радовался и благодарилъ Бога, что привелъ его жить въ такомъ святомъ мѣстѣ. Особенно нравилось ему въ церкви, когда иноки сходились пѣть на средину церкви, въ мантияхъ и клобукахъ, и все дивился, какъ это во снѣ видѣлъ онъ такъ вѣрно то, что теперь видитъ наяву. Мантии особенно его плѣняли; и часто, когда отца Іакова не было въ келліи, надѣвалъ онъ его мантию на себя, и мѣрнымъ шагомъ расхаживалъ въ ней по келліи. Верхомъ его желаній его было получить мантию и имѣть возможность ходить въ ней въ церковь. Заставъ однажды Трофима въ своей мантии, отецъ Іаковъ запретилъ ему ее надѣвать, объяснилъ ея духовное значеніе и велѣлъ молиться Богу и просить у Него милости, чтобы сподобилъ его въ свое время достойно ее получить. Но не суждено было Богомъ подвижаться Трофиму въ Толшевскомъ монастырѣ. Родитель Трофима не согласился на это и, самъ пріѣхавъ въ Толшевскій монастырь, взялъ сына и, связавъ ему ноги веревкою, чтобы не ушелъ, въ такомъ видѣ привезъ его домой, гдѣ вдобавокъ наказалъ его за самовольную отлучку изъ дома. Бѣдному юношѣ оставалось покориться на время волѣ родительской и терпѣливо ждать лучшаго времени для исполненія своего завѣтнаго желанія. Всего три мѣсяца прожилъ онъ въ Толшевскомъ монастырѣ, но это время положило въ немъ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Кончина родителя избавила его наконецъ отъ этого тягостнаго положенія: хозяйствомъ начали управлять старшіе его братья подъ главенствомъ матери, а эта послѣдняя не стала уже насильно удерживать Трофима и благословила его небольшимъ складнымъ образкомъ великомученика Побѣдоносца Георгія на поступленіе въ монашество. Образокъ этотъ, какъ великую святыню, хранилъ онъ до конца дней своихъ, и особенно чтилъ великомученика Георгія по этому поводу. Получивши благословеніе матери и взявъ увольнительный паспортъ на

полгода, Трофимъ пошелъ пѣшкомъ въ Кіевъ, поклониться тамошней святынѣ. Побывавъ въ Кіевѣ и помолившись въ Печерской лаврѣ преподобнымъ Печерскимъ чудотворцамъ, оставилъ Трофимъ Кіевъ и пошелъ въ Святогорскую пустынь, съ непремѣннымъ намѣреніемъ навсегда оставаться тамъ для подвиговъ иноческихъ. 1845 года 10-го октября прибылъ онъ въ Святогорскую пустынь, пришелъ къ настоятелю игумену, впоследствии архимандриту, Арсенію. Послѣдній, разспросивъ его подробно о всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, принялъ его въ число братіи и назначилъ на послушаніе трудиться въ поварнѣ монастырской. Первое время Трофиму пришлось пріютиться съ своею сумкою на чердакѣ и тамъ прокочевать около двухъ недѣль, пока наставшіе холода наконецъ сдѣлали квартированіе на чердакѣ неудобнымъ. Братскій духовникъ іеромонахъ Θεодосій, перешедшій съ отцемъ Арсеніемъ изъ Глинской пустыни и отличавшійся подвижническою жизнью и опытною духовною, взялъ Трофима къ себѣ въ келейники и помѣстилъ его за перегородкою, въ тѣсной передней занимаемой имъ келліи. Сперва довольно сурово обращался съ нимъ отецъ Θεодосій, все испытывалъ его нравъ и наклонности: то деньги оставить бывало въ келліи неспрятанными, то чай или сахаръ нарочно какъ бы забудеть спрятать, или медку поставить блюде на столъ, а самъ уйдетъ; но видя, что все остается цѣло и нетронуто, сталъ вполнѣ во всемъ довѣрять своему келейнику Трофиму. Іеромонахъ Θεодосій, воспитанный подъ духовнымъ вліяніемъ извѣстнаго святостию жизни игумена Глинской пустыни Филарета, отличался строго-подвижническою жизнью. Часто уходилъ съ четками въ рукахъ въ лѣсъ и тамъ бродилъ по лѣснымъ дебрямъ, умомъ углубляясь въ молитву Іисусову. Возвращаясь изъ лѣсу, имѣлъ онъ всегда лицо какое то необыкновенно просвѣтленное, такъ что послушникъ его Трофимъ сначала пугался этой свѣтлости, боялся къ нему подойти и заговорить. Такъ какъ Трофимъ былъ малограмотенъ,

то отецъ Феодосій озаботился о томъ, чтобы обучился онъ вполне грамотѣ, которую, съ его благословенія, взялся преподавать ему монастырскій писемводитель, рясофорный монахъ Филосей, не старый еще лѣтами, но проводившій жизнь строго-подвижническую. При помощи его, Трофимъ обучился читать церковную и гражданскую грамоту, а также писать, продолжая въ то же время усердно внимать ученію своего старца объ истинно-богоугодномъ монашескомъ житіи. Послѣ монастырскаго правила, отпустивъ приходившихъ къ нему на исповѣдь братій, имѣлъ обычай отецъ Феодосій призывать Трофима, давалъ ему четви и заставлялъ громко и не спѣша произносить по нимъ молитву Іисусову. Сперва очень страшно было Трофиму это упражненіе подъ наблюдениемъ старца, такъ что старецъ это замѣтилъ по дрожанію его голоса, но велѣлъ мужаться, объясняя страхъ этотъ вліяніемъ врага невидимаго, болѣе всего ненавидящаго твореніе молитвы Іисусовой. Вскорѣ дѣйствительно страхъ этотъ въ Трофимѣ миновалъ, уступивъ мѣсто умиленно-покаянному чувству, производившему въ немъ обильныя слезы, такъ что подчасъ затруднялся онъ выговаривать слова молитвы. Какъ судилище строгое было для него время молитвы подъ надзоромъ старца: все то, что нагрѣшить бывало въ теченіе дня и забудеть, въ подробности представало въ это время его уму и вызывало въ немъ искреннее раскаяніе, которое обычно и изливалъ онъ послѣ молитвы въ исповѣди предъ старцемъ. Принявъ отъ него разрѣшеніе іерейское, всегда чувствовалъ онъ необычайную легкость и отраду на душѣ. Проходя такимъ образомъ новоначаліе свое предъ глазами опытнаго старца, не утаивая предъ нимъ своихъ погрѣшностей, незамѣтно восходилъ онъ къ лучшему. Псалтирь, святое Евангеліе, Апостольскія Дѣянія и Посланія стали любимыми его книгами: непремѣннымъ урокомъ поставилъ онъ себѣ ежедневно прочитывать извѣстное количество изъ каждой изъ этихъ книгъ, и всячески старался неопустительно

это исполнять, лишая себя для этого покоя ночного, если не успѣвалъ днемъ прочесть всего положеннаго. Старецъ, отецъ Θεодосій, видя его усердіе, простосердечіе и преданность ему, иногда дѣлалъ его сотаинникомъ своимъ. Такъ, однажды пришелъ онъ изъ лѣса съ порванною рясою и изорванными четками. Зашивая рукава рясы его, Трофимъ удивлялся, чѣмъ и какъ могъ старецъ ее такъ порвать, — о чемъ его простосердечно и спросилъ. «Боролся съ бѣсами въ лѣсу, напали они на меня цѣлою стаею, все хотѣли четки изъ рукъ вырвать, крича, чтобы не молился я молитвою Іисусовою; но Богъ помогъ, четки удержалъ, хотя и порвались онѣ мѣстами, — за то уже ряса больно досталось», — отвѣчалъ ему Θεодосій и строго приказалъ объ этомъ никому изъ братіи не говорить. — Отецъ Θεодосій не имѣлъ въ келліи своей койки для покоя ночного и спалъ на полу. Замѣтивъ, что въ доскахъ пола, гдѣ онъ спалъ, есть клопы, Трофимъ принесъ чайникъ горячей воды и хотѣлъ залить ихъ кипяткомъ; но старецъ это запретилъ, говоря: «они напоминаютъ мнѣ своими угрызеніями червя неусыпающаго, который уготованъ грѣшникамъ, прогнѣвающимъ Бога, и этимъ вызываютъ во мнѣ покаяніе: не лишай же меня этихъ насѣкомыхъ, чтобы потомъ я не жалѣлъ». Около двухъ съ половиною лѣтъ прожилъ Трофимъ въ послушаніи келейника при отцѣ Θεодосіи.

Въ 1850 году указомъ Харьковской Духовной Консисторіи опредѣленъ онъ формально въ число послушниковъ Святогорской обители, и того же года, 24-го марта, облеченъ настоятелемъ отцемъ Арсеніемъ въ рясофоръ, съ наименованіемъ Тимона. Въ это же время назначенъ былъ онъ на послушаніе пещерника.

1850 года 21-го октября скончался духовникъ іеромонахъ Θεодосій; его кончина глубоко поразила преданнаго ему Тимона: онъ лишился въ немъ отца, наставника и благодѣтеля, и горько его оплакивалъ. Какъ драгоценное наслѣдіе, при-

нялъ онъ деревянный крестъ Θεодосія, который далъ ему отецъ Арсеній на память о почившемъ старцѣ. Этотъ крестъ впоследствии отдалъ Тимонъ въ скитскую церковь преп. Арсенія на святомъ мѣстѣ, гдѣ на налоѣ стоитъ и доселѣ онъ, какъ свидѣтель келейныхъ подвиговъ и молитвъ великаго подвижника старца Θεодосія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Тимона, послѣ смерти отца Θεодосія, послужило то, что суждено ему было прислуживать затворнику іеросхимонаху Іоанну въ его пещерномъ затворѣ. Тимонъ очень привязался къ старцу - затворнику, покоилъ его, какъ могъ, исполнялъ съ усердіемъ всѣ его просьбы, и даже въ малостяхъ старался ему угодить. Впоследствии, когда мѣсто его смѣнили другіе, затворникъ часто вспоминалъ Тимона, за его умѣнье во всемъ ему угодить, и всегда относился къ нему съ искреннимъ расположеніемъ.—1854 года 2-го апрѣля, по указу Святѣйшаго Синода, Тимонъ былъ постриженъ настоятелемъ отцемъ Арсеніемъ въ мантию и нареченъ Іоанникіемъ. По постриженіи въ мантию, отецъ Іоанникій назначенъ былъ на послушаніе пономаря, послушаніе нелегкое и хлопотливое. По нѣкоторомъ времени Іоанникія опять назначилъ отецъ Арсеній на прежнее его послушаніе пещерника, и снова началъ онъ прислуживать подвизавшемуся въ затворѣ іеросхимонаху Іоанну, келлія котораго находилась въ пещерахъ.

По рукоположеніи во іеродіавона, отецъ Іоанникій началъ особенно прилежать службѣ церковной, продолжая и, келейно подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Много книгъ духовныхъ собралъ онъ въ свою келлію, прочитывалъ ихъ нелѣбно, пополняя прочитаннымъ свои познанія и руководствовался въ жизни. Любилъ онъ въ свободное отъ служенія время уходить въ лѣсъ и тамъ уединяться и бесѣдовать съ Богомъ сосредоточенною молитвою Іисусовою, которая все болѣе и болѣе сроднялась съ его душою. Въ одну изъ этихъ прогулокъ зашелъ онъ въ чащу лѣса и, плѣвившись пустыннымъ уединеніемъ, присѣлъ на мохъ у корня большой столѣтней

сосны. Чуть коснулась рука его до мха у корня сосны, какъ почувствовалъ онъ теплоту, какъ исходившую изъ печи. Это его удивило, онъ сталъ тщательно осматривать мѣсто и замѣтилъ, что мохъ былъ искусно наложенъ и закрывалъ собою устье пещеры, гдѣ дымилась небольшая печь, стоялъ нагой съ Псалтирю и теплилась лампада предъ святою иконою. Хозяина пещернаго помѣщенія этого не было дома, и это дало возможность Іоанникію тщательно осмотрѣть его келлію. Кромѣ небольшого количества сухарей и сухихъ плодовъ, да корчаги съ водою, ничего болѣе съѣстнаго не нашелъ онъ въ ней, что указывало на строгую постническую жизнь пустынножителя. Давно уже ходили слухи въ Святогорской пустыни, что въ ближайшихъ къ ней лѣсныхъ дѣбряхъ живутъ невѣдомые міру пустынножители, поселившіеся здѣсь еще до возстановленія монастыря. Это очень озабочивало настоятеля, отца Арсенія, который опасался, чтобы эти невѣдомые міру люди не сочтены были свѣтскимъ начальствомъ за бродягъ безпаспортныхъ и тѣмъ не навлекли неприятностей и взысканій новооткрытому монастырю. Два подобныхъ пустынножителя были имъ отысканы и удалены мирнымъ образомъ въ болѣе безопасныя для монастыря мѣста: это были дряхлые старцы, вскорѣ затѣмъ скончавшіе свое жизненное теченіе въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ. Съ удаленіемъ ихъ отецъ Арсеній нѣсколько успокоился и оставилъ дальнѣйшіе поиски свои касательно пустынножителей; но между братією Святогорскою говорили, что и еще есть пустынножители въ окрестномъ лѣсу, ибо видѣли иногда за службою церковною исхудалыхъ и почернѣвшихъ лицемъ людей, въ одеждѣ простонародной, которые удалялись сношеній съ братією и по выходѣ изъ церкви спѣшно уходили изъ монастыря по направленію къ ближайшему хутору. Отецъ Іоанникій убѣдился, что эта пещерная келлія принадлежала именно одному изъ этихъ пустынножителей, и рѣшился подождать его прихода; дѣйствительно, вскорѣ подошелъ къ

пещерѣ высокій ростомъ и очень сухой тѣломъ среднихъ лѣтъ человекъ, въ бѣлой длинной простонародной свиткѣ, несшій вязанку дровъ за плечами, за которыми повидимому ходилъ въ лѣсъ. Не мало смутившись присутствіемъ гостя, глубоко вздохнулъ онъ и сказалъ: «видно воля Божія и мнѣ удалиться изъ этого мѣста. Я знаю тебя; ты, отецъ Іоанникій, рабъ Божій, пожалуй и не скажешь обо мнѣ твоему настоятелю; но я не хочу вводить тебя въ отвѣтъ предъ нимъ, поэтому завтра же удалюсь отсюда въ другое мѣсто.»—Затѣмъ, пригласивъ Іоанникія сѣсть и предложивъ ему покушать вареныхъ сухихъ грушъ, пустынникъ разсказалъ ему, что онъ бѣглый солдатъ, именемъ Леонтій, что около двадцати лѣтъ уже пустынножительствуетъ въ этой мѣстности, нашелъ здѣсь старца, тоже пустынножителя, который научилъ его посту, молитвѣ и псалмопѣнію и, умирая, оставилъ ему въ наслѣдство эту пещеру. Іоанникію очень понравился этотъ пустынножитель, и онъ, по простодушію не подозрѣвая грѣха въ укрываніи бѣглыхъ, сталъ уговаривать его остаться у нихъ въ монастырѣ и явиться съ нимъ къ настоятелю, который быть можетъ и приметъ его въ число своей братіи. Но пустынникъ печально покачалъ головою и сказалъ: «я бѣглый солдатъ, не имѣю никакого письменнаго вида, а безъ него настоятель твой принять меня не можетъ, излишне будетъ поэтому его о невозможномъ и просить. Спасибо тебѣ, отецъ, за твою любовь, за которую да воздастъ тебѣ Господь возмездіемъ небеснымъ. Теперь же окажи еще любовь и до завтрашняго дня не говори никому въ монастырѣ, что нашелъ мою пещеру и меня здѣсь видѣлъ, пока я не переберусь въ другое болѣе далекое отъ монастыря мѣсто. Да кланяйся духовнику отцу Елифанію и скажи, что Леонтій по волѣ Божіей уходитъ отсюда подалѣе отъ поисковъ человѣческихъ.» Разставшись съ пустынникомъ, отецъ Іоанникій исполнилъ его просьбу и ничего не сказалъ братіи о томъ, что его видѣлъ. Дня черезъ два пошелъ онъ опять въ лѣсъ, къ найденной

пещерѣ пустынника, думая застать его еще тамъ; но пещера была завалена землею, и не осталось никакихъ слѣдовъ, что тутъ жили нѣкогда люди. Когда Іоанникій разсказалъ духовнику отцу Епифанію о встрѣчѣ своей съ пустынникомъ, тотъ сожалѣлъ о немъ и говорилъ, что давно его знаетъ и состоитъ его духовникомъ, и отозвался о немъ какъ объ истинномъ рабѣ Божіемъ и подвижникѣ высокаго духовнаго устройства. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого событія, пришелъ къ отцу Іоанникію въ келлію одинъ крестьянинъ изъ сосѣдняго села, принесъ ему нѣсколько фунтовъ воску и сказывалъ, что Леонтіій приказалъ ему долго жить, велѣлъ извѣстить его о своей смерти и отдать этотъ воскъ ему на поминъ его души. Пустыльникъ пріютился въ лѣсу на пасѣбкѣ у этого крестьянина, былъ у него пасѣчникомъ, проводилъ жизнь строго-подвижническую, и скончался послѣ непродолжительной болѣзни, папутьствованный Святыми Тайнами мѣстнымъ священникомъ.

Устраивая скитъ на святомъ мѣстѣ, съ церковію ему соименнаго преподобнаго Арсенія Великаго, архимандритъ Арсеній желалъ помѣстить при ней небольшое количество братіи, избранной изъ числа подвиголюбивѣйшихъ въ числѣ Святогорскихъ иноковъ, которые бы подвигами своими положили прочное начало духовное этому повозникшему пріюту уединенія и молитвы. Отецъ Іоанникій тоже былъ имъ назначенъ въ скитъ, гдѣ долженъ былъ служить діакономъ въ скитской церкви, что очень было ему по сердцу, такъ какъ вполне соответствовало душевной наклонности его къ уединенію.

1859 года 12-го октября скончался настоятель архимандритъ Арсеній, послѣ продолжительной болѣзни. Наставшій по немъ настоятель, игумень, впоследствии архимандритъ Германъ, избранный Святогорскою братією изъ своей среды, докончилъ устройство скита на святомъ мѣстѣ.

Жизнь отца Іоанникія текла мирно и тихо въ скиту:

проходилъ онъ тамъ службу діаконскую, подвизался въ постѣ и молитвѣ, и, не жалѣя себя, наконецъ началъ ослабѣвать въ здоровьѣ: у него открылось кровотеченіе гортанью, силы его умалились, онъ похудѣлъ и измѣнился въ лицѣ такъ, что казался живымъ мертвецомъ, и наконецъ окончательно слегъ. Отвезенный въ больницу монастырскую, около полугода пролежалъ онъ на одрѣ болѣзни, нѣсколько разъ былъ близокъ къ смерти, такъ что врачъ его пользовавшій потерялъ всякую надежду на его выздоровленіе. Во время тяжелой своей болѣзни, не разъ видѣлъ онъ предъ собою ясно и отчетливо икону Нерукотвореннаго Спасителява образа, въ натуральную величину лица человѣческаго, склонившуюся къ нему; отъ нея вѣяло на него благоуханіемъ, услаждавшимъ его несказанно, такъ что даже забывалъ страданія свои тѣлесныя. Однажды, когда ему было очень плохо, и окружавшіе его ждали скорой его кончины, опять видитъ онъ эту икону Нерукотвореннаго Спаса, очень близко къ лицу его наклонившуюся, такъ что даже касалась къ его челу; и слышитъ тихій голосъ: «возстани, будь полуждравъ и служи на пользу душевную ближнихъ твоихъ». — Съ этого мгновенія вдругъ почувствовалъ онъ, что нестерпимая боль, ощущаемая имъ дотолѣ въ груди и боку прекратилась и живительная иѣная крѣпость разлилась въ его ослабѣвшихъ членахъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ видимо поправляться, чѣмъ очень удивилъ лѣчившаго его врача, давно уже приговорившаго его къ смерти. Дѣйствительно, вполне здоровымъ онъ уже не былъ, былъ именно полуждравъ, тощъ, хилъ и слабъ, подверженъ частымъ горловымъ кровотечениямъ, но, вставъ отъ одра, ходилъ и неумышленно подвизался въ молитвѣ и служеніи пользѣ душевной ближнихъ своихъ. 1864 года 24-го августа рукоположенъ былъ онъ во іеромонаха преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Харьковскимъ, впоследствии митрополитомъ Московскимъ. Слабый и болѣзненный о. Іоанникій трудился въ санѣ іеромонаха наравнѣ съ

прочими здоровыми и крѣпкими тѣломъ, а подчасъ и гораздо болѣе, ибо назначенный вскорѣ по рукоположеніи быть духовникомъ богомольцевъ, несъ это послушаніе нелѣпно и неутомимо, проводя иногда большую часть дня въ исповѣди богомольцевъ, которыхъ лѣтнею порою бываетъ всегда очень много въ Святогорской пустыни, а въ праздники и посты собирается столько, что отъ двухъ до пяти тысячъ причастниковъ бываетъ тамъ очень нерѣдко въ эти дни. Господь даровалъ простодушному и смиренному рабу Своему особенную способность и искусство быть духовникомъ; онъ умѣлъ внушать къ себѣ любовь и довѣріе, и по опытности своей духовной, можно сказать, прозорливо, сейчасъ узнавалъ недугъ душевный каившагося, и находилъ врачество духовное недугу съ удивительною вѣрностію. Но бывали случаи, когда и о. Іоанникій обращался за совѣтомъ къ богатому опытностію и вѣдѣніемъ духовными старцу Кипріану, бывшему и его духовнымъ отцомъ. Сначала, признавался потомъ о. Іоанникій, очень надоѣдали мнѣ на исповѣди разныя странницы и черницы своими разказами про видѣнія и чудеса будто съ ними бывшія: дѣла не говорятъ, а только время проводятъ, да свою мнимую святость на видъ поставляютъ. Вотъ и спросилъ я батюшку о. Кипріана: какъ тутъ быть съ этимъ народомъ. Тотъ и посоветовалъ: назначай за каждое подобное видѣніе или чудо, тебѣ рассказанное на духу, поклоны творить разговорившейся для самохвальства, безъ духовной къ тому нужды, и повѣрь—скоро оставятъ онѣ тебя въ покоѣ. Началъ я такъ дѣлать; не понравилось богомолкамъ, перестали ко мнѣ идти на духъ, стали къ другимъ духовникамъ обращаться, меня же жестокимъ прозвали, а я и радъ, ибо отъ нихъ одно затрудненіе только выходило: иная цѣлый часъ толкуетъ о своихъ видѣніяхъ у наоя, а другіе тѣмъ временемъ ждуть.—Вообще во все время своего духовничества, отецъ Іоанникій очень недолюбливалъ ханжества и суесвятства и грозно обличалъ

иногда лицъ, пытавшихся порою обмануть его, прикрывая грѣховность свою личиною добродѣтели и святости. Но въ отношеніи къ искренно кающимся онъ избѣгалъ строгихъ взысканій, не одобрялъ ихъ, говори, что можно ожесточить ими душу грѣшника и вмѣсто пользы нанести ей вредъ. Но не то теперь время, говаривалъ о. Іоанникій, чтобы отлучать кающихся отъ причащенія святыхъ Христовыхъ Таинъ; теперь христіанство такъ ослабѣло въ народѣ, особенно образованномъ, что многіе и безъ отлученія рѣдко говѣютъ; отлучать таковыхъ, значитъ, не наказаніе палгать, а ослабу. Отлученіе замѣнялъ онъ при надобности другими эпитиміями, но и то въ мѣру, примѣняя ихъ къ силамъ и обстоятельствамъ каждаго.

Кромѣ постоянного духовничества въ самой обители Святогорской, отецъ Іоанникій очень часто посылаемъ былъ въ окрестные села и хутора напутствовать святыми Тайнами больныхъ и исполнять инныя требы церковныя.

Вотъ нѣкоторые случаи весьма замѣчательные, которые отецъ Іоанникій рассказывалъ изъ своей духовнической практики по селамъ:—«Разъ позднимъ вечеромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ молодой крестьянинъ и проситъ ѣхать съ нимъ—напутствовать святыми Тайнами умирающаго его брата. Говорю ему: нельзя ли подождать до утра; будетъ удобнѣе ѣхать, да и приобщиться приличнѣе больному поутру, прежде вкушенія пищи;—но крестьянинъ настаивалъ ѣхать не медля, говоря: больной увѣряетъ, что онъ до утра не доживетъ. Пришлось ѣхать,—поѣхали лѣсами, полями, на волковъ во тьмѣ ночью наглядѣлись, глаза ихъ, какъ свѣчи, свѣтились въ темнотѣ,—пріѣхали наконецъ въ глухой поселокъ, къ избѣ больного. Вхожу и вижу, что въ избѣ прибрано, столъ накрытъ скатертью и теплится на немъ восковая свѣча, но самого больного не видать нигдѣ, чтобы лежалъ. Встрѣтилъ меня крестьянинъ блѣдный и исхудалый, прилично и чисто одѣтый, но на ногахъ, который и оказался больнымъ, тре-

бывавшимъ меня для напутствія. Я удивился и сказалъ: въ виду того, что онъ еще въ силахъ ходить и стоять, могъ бы онъ удобно подождать напутствоваться святыми Тайнами до утра, ибо приобщаютъ по вкушеніи пищи только самыхъ трудныхъ больныхъ, умирающихъ. Но крестьянинъ сказалъ, что и онъ умирающій, что ему очень недолго осталось жить, почему просилъ не медля исповѣдать его и приобщить.— «Жду, не дождусь тебя, отче, говорилъ онъ, слава Богу, что дождался: не медли пожалуйста, приобщи меня святыхъ Таинъ, потому что посланные за душою моею уже пришли и ждутъ, пока ты это совершишь». Выславъ изъ избы домашнихъ больного, началъ я исповѣдь его и, признаюсь, рѣдко когда слышалъ подобную исповѣдь: жизнь его была праведная, чувства и понятія столь возвышенны и духовны, вѣра столь искренна и любовь къ Спасителю столь пламенна, что я невольно удивился, какъ это въ неграмотномъ семейномъ человѣкѣ могли процвѣтать подобныя добродѣтели. Съ глубокимъ умиленіемъ приобщился онъ святыхъ Таинъ, выслушалъ благодарственные по причащеніи молитвы уже сидя на лавкѣ, поцѣловалъ поданный мною ему крестъ, и, прижавъ къ груди своей руку мою, державшую крестъ, тихо предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. Разспросивъ потомъ домашнихъ его и плакавшую его жену, узналъ я, что онъ болѣлъ всего нѣсколько дней, но мало лежалъ, а болѣе сидѣлъ, не вкушалъ никакой пищи и съ самаго начала болѣзни своей сказалъ женѣ, что время его пришло, что онъ умретъ, и велѣлъ привести къ нему духовника для напутствія святыми Тайнами. Но, видя его на ногахъ, домашніе не смѣшили исполнить его желаніе, и только вечеромъ того дня, когда скончался, внимая неотступнымъ просьбамъ его о духовникѣ и увѣреніямъ, что до утра не доживетъ, рѣшились послать за духовникомъ. Проводилъ жизнь воздержную, былъ милостивъ, готовъ подѣлиться съ ближними последнимъ кускомъ, и очень усерденъ къ молитвѣ,—и Го-

сподь взыскалъ его Своею благодатью, которая ясно ознаменовалась въ столь блаженной кончинѣ.

Въ другой разъ привезли меня къ больной женщинѣ: вхожу въ избу и вижу, что молодая еще женщина стоитъ у зеркальца и убираетъ платкомъ свою голову. Она то и обазалась больная, къ которой меня везли: я вознегодовалъ и жестоко ей выговорилъ, что совсѣмъ здоровая вздумала напутствоваться святыми Тайнами по чину больныхъ. Но женщина, спокойно выслушавъ слова мои, сказала: «потому тебя потребовала ее напутствовать, что чувствую приближающуюся кончину. Не блазнись тѣмъ, отче, что засталъ меня у зеркальца: не хотѣлось мнѣ растрепанною приступить къ святымъ Тайнамъ, — вотъ и прибралась, какъ могла», — и просила не медля ее исповѣдать и причастить. Неохотно я это дѣлалъ, ибо не вѣрилъ ея словамъ, видѣвъ ее совсѣмъ здоровою. Исповѣдалась и приобщилась она святыхъ Таинъ съ большимъ благоговѣніемъ, какъ подобаетъ истинной христианкѣ. Не успѣлъ я прибрать дароносицу и только что хотѣлъ читать благодарственные молитвы по причащеніи, смотрю — слегла она на постель и закрыла глаза; я наклонился къ ней, а она уже отошла ко Господу. Больна была послѣ родовъ, и оставила новорожденного младенца сиротою».

По сосѣдству Святогорской пустыни проживалъ землевладелецъ пожилыхъ лѣтъ, человекъ семейный, страдавшій тяжкою неизлѣчимою болѣзнию: у него былъ ракъ на лицѣ, отъ котораго все лицо его превратилось въ одну зияющую язву; тѣмъ не менѣе страдалецъ продолжалъ жить, хотя страшно мучился. Его кормили изъ ложки, приобщать же его святыхъ Таинъ приходскій священникъ рѣшительно не могъ, ради невыносимаго смрада, исходившаго изъ его язвы, и невозможности лжицею приобщить его, такъ какъ усть и полости рта у него уже не существовало. Въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ, обратился онъ къ отцу Іоанникію,

изъявляя крайнее желаніе приобщиться святыхъ Таинъ, и просилъ его, не найдетъ ли онъ возможнымъ исполнить его желаніе. Осмотрѣвъ язву больного, отецъ Іоанникій увидѣлъ, что при длинной рукояти лжицы, можно было святыя Тайны прямо опустить ему въ щещепріемное горло, еще извою не зараженное. Устроивъ подобную рукоять и исповѣдавъ больного, приобщилъ онъ его святыхъ Таинъ такимъ способомъ и тѣмъ очень его утѣшилъ. Съ тѣхъ поръ страдалецъ этотъ очень часто присылалъ за отцемъ Іоанникіемъ для причащенія его святыми Тайнами, въ чемъ находилъ единственную отраду среди своихъ страданій. Но и подвигъ со стороны отца Іоанникія былъ не малъ: многіе изъ братіи Святогорской, видѣвшіе страдальца, удивлялись, какъ могъ онъ выносить смрадъ отъ его язвы и самое видѣніе этой ужасной язвы, и даже опасались за него, чтобы самъ онъ не заразился. Но отецъ Іоанникій, возложивъ упованіе на Бога, не боялся ни смрада, ни заразы и продолжалъ ѣздить и папутьствовать страдальца до самой его кончины.

Чувство состраданія къ больнымъ и страждущимъ было особенно присуще отцу Іоанникію. Въ Святогорскую пустынь лѣтнимъ временемъ стекается весьма много богомольцевъ изъ разныхъ сословій, отъ простолюдиновъ и до образованныхъ классовъ; въ средѣ этихъ богомольцевъ очень часто бываютъ страдальцы, одержимые бѣснованіемъ и приводимые въ обитель ближними своими, въ чаяніи исцѣленія ихъ отъ чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая. Видя страданія этихъ больныхъ, иногда жестоко мучимыхъ и съ дикими брыками въ конвульсіяхъ падающихъ, особенно въ церкви, при совершеніи Божественной литургіи, и зная, что въ Требникѣ положены заклинательныя молитвословія на этотъ родъ болѣзни, отецъ Іоанникій, воодушевившись вѣрою, началъ прочитывать эти молитвословія надъ подобными больными и помазывать ихъ святымъ елеемъ во имя Господне. Начинаніе это нѣкоторымъ изъ Святогорской братіи

не правилось, казалось слишкомъ дерзновеннымъ со стороны отца Юанникія; но братскій духовникъ о. Кипріанъ, самъ никогда не дерзавшій прочитывать надъ подобными болѣнными заклинательныя молитвословія, благословилъ о. Юанникію читать ихъ ничтоже сумняся, и только внушалъ, во смиреніи духа держать при этомъ свои помыслы. Какъ постникъ и молитвенникъ о. Юанникій, по мнѣнію о. Кипріана, былъ вполне способенъ обращаться съ болящими этого рода болѣзнию, которая, по слову Господа, «не исходитъ, токмо молитвою и постомъ» (Матѳ. 17, 21). И дѣйствительно молитвословія надъ подобными болящими, произносимыя о. Юанникіемъ съ крѣпкою вѣрою во всемогущество Господа, производили часто видимыя исцѣленія, такъ что вскорѣ далеко стало извѣстно, что въ Святыхъ Горахъ есть духовный цѣлебникъ, молитвословіями исцѣляющій бѣсноватыхъ. Лѣтнимъ временемъ, послѣ службы церковной, во храмѣ очень часто можно было его видѣть предъ біотомъ чудотворной иконы святителя Николая, прочитывающимъ заклинательныя молитвы надъ болящими бѣснованіемъ, слышать дикіе вопли при этомъ. Иные жестоко его поносили самыми отвратительными ругательствами, другіе страшно богохульствовали, а были и такіе, что устремлялись на него съ ударами, такъ что и побои доводилось ему отъ нихъ претерпѣвать; но кротко и небоязненно переносилъ онъ эти неистовыя проявленія духа тьмы, и наступалъ на него во всеоружіи молитвы и поста, которыми обыкновенно приготовлялся къ подобнаго рода борьбѣ, обычно кончавшейся побѣдой съ его стороны: страдальцы умолкали, смирились, переставали буйствовать, начинали молиться Богу и плакать, или же извергали изъ себя смрадную пѣну; послѣ чего слѣдовало полное ихъ исцѣленіе.

Однажды приведенъ былъ къ нему громаднаго роста мужчина, линейный базакъ изъ-за Кубани, съ звѣрски искаженнымъ лицомъ; его съ трудомъ влекли два дюжихъ ка-

заба, его сродники. Бѣсноватый ревѣлъ нечеловѣческимъ голосомъ, — и ревѣ медвѣдя, и вой волка, и хрюканье свиньи, попеременно слышались въ звукахъ его голоса, глаза же сверкали невыразимою злобою. Въ Святогорской пустыни предъ соборомъ, стоящимъ на возвышеніи, находится каменная просторная лѣстница, ведущая на площадку, гдѣ стоитъ соборъ. Подвели бѣсноватаго къ этой лѣстницѣ, спутники не могли уже никакими силами вести его далѣе, о чемъ одинъ изъ нихъ и пошелъ въ соборъ извѣстить отца Іоанникія. Тотъ вышелъ самъ изъ собора въ епитрахили, съ Требникомъ въ рукѣ, и не боязненно, подойди къ распростертому на землѣ больному, готовился начать читать надъ нимъ заклинательныя молитвы. Больной вдругъ вскочилъ и, бросившись на отца Іоанникія, схватилъ его въ охапку и, перебросивъ черезъ плечо, побѣжалъ съ нимъ по лѣстницѣ вокругъ собора. Бывшіе при этомъ люди испугались и не знали, что имъ предпринять: бросились вслѣдъ за бѣсноватымъ и увидѣли, что какъ разъ противъ западныхъ дверей собора опять повалился онъ на землю, отецъ же Іоанникій цѣлъ и невредимъ сидѣлъ на немъ и держалъ его за волоса. Сродники бросились, чтобы связать веревкою руки и ноги бѣсноватому, но о. Іоанникій это имъ воспретилъ, говоря: не троитьте, оставьте его въ покоѣ, болѣе онъ уже не побѣжитъ; мы съ нимъ поборолись, и вотъ видите, чей верхъ, — при чемъ показалъ на голову бѣсноватаго, держимую имъ крѣпко за волоса. Потомъ всталъ, прикрылъ бѣсноватаго своею епитрахилью, и началъ читать надъ нимъ заклинательныя молитвы. Больной лежалъ тихо, только тяжело дышалъ, какъ бы собираясь нѣчто изъ себя извергнуть; наконецъ съ большимъ усиліемъ извергнулъ смрадную кровавую пѣну, столь смрадную, что окружавшіе его, не терпя смрада, отъ него отшатнулись. Послѣ этого больной приподнялся, всталъ, началъ класть поклоны по направленію къ собору, вошелъ въ самый соборъ и тамъ усердно молился, а на другой день,

послѣ исповѣди у отца Іоанникія, приобщился святыхъ Таинъ, къ которымъ прежде, около пяти лѣтъ, не могъ приступить. На исповѣди объяснилъ онъ, что бѣснованіе постигло его въ то время, когда онъ дерзнулъ нанести побои своей матери, и съ тѣхъ поръ жестоко его мучило. Съ полною надеждою на выздоровленіе отправился онъ изъ Свитыхъ Горъ домой на Кубань, получивъ наставленіе отъ о. Іоанникія, какъ себя вести, чтобы оишь не подвергнуться дѣйствіямъ злого духа. Впослѣдствіи о. Іоанникій говорилъ, вспоминая этотъ случай, что когда бѣсноватый вскинулъ его къ себѣ на плечи и понесъ по лѣстницѣ на площадку вокругъ собора, почувствовалъ онъ въ себѣ такую то необычайную силу, которою безъ труда поборолъ бѣсноватаго, мысленно призывая сладчайшее имя Господа Іисуса.— Не только взрослые, но очень часто и дѣти приводимы были къ о. Іоанникію съ явными признаками бѣснованія: говорили разными нарѣчіями, предсказывали будущее, богохульствовали такъ, что страшно было слушать. Но управляться съ ними, по отзыву о. Іоанникія, было гораздо ему легче, чѣмъ со взрослыми, не по ихъ малолетности и малосилію, а потому, что невинная еще природа дѣтская была гораздо воспріимчивѣе къ дѣйствию Божіей благодати. Бывали случаи, что все, что Іоанникій дѣлалъ одинъ въ своей келліи, или даже помышлялъ, бѣсноватые потомъ ему рассказывали со всѣми подробностями, и всякое излишество въ пищѣ или питьѣ обличали въ немъ съ угрозами,—говоря, что чрезъ это вотще будутъ старанія его ихъ исцѣлить. Имѣя въ виду подобныхъ больныхъ, отецъ Іоанникій особенно прилежалъ посту, опытомъ дознавъ, что постъ и молитва—наилучшіе пособіики успѣшнаго врачеванія подобныхъ страдальцевъ.

Не отъ одного бѣснованія дѣйствены были молитвы отца Іоанникія: врачевалъ онъ многіе и другіе недуги прибѣгавшихъ къ нему съ искреннею вѣрою. Такъ, однажды, пришелъ къ нему въ келлію молодой человекъ, сынъ купца сосѣдняго

съ обителью города, и повѣдалъ ему свое горе, что пѣть онъ заноситъ и этимъ причиняетъ великую скорбь своимъ родителямъ. Повалившись въ ноги о. Іоанникію, просилъ онъ за него помолиться, чтобы избавиться ему отъ этой пагубной страсти. О. Іоанникій нимало не медля надѣлъ на себя снитрахиль и прочелъ надъ нимъ послѣдованіе въ Треницѣ о болящихъ, помазалъ его святымъ елеемъ и велѣлъ ежедневно утромъ, предъ вкушеніемъ пищи, вкушать святую богоявленскую воду. Черезъ нѣсколько времени молодой человекъ опять пришелъ къ отцу Іоанникію и повѣдалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ помолился онъ надъ нимъ и помазалъ его елеемъ, чувствуетъ онъ такое отвращеніе къ вину, что самаго запаха его не можетъ сносить, — за что усердно его благодарилъ. Но о. Іоанникій совѣтовалъ ему продолжать вкушеніе святой воды, приписывая происшедшую въ немъ перемену именно ея благодатному дѣйствию. Впослѣдствіи молодой человекъ получилъ сильную склонность къ монашеству и ушелъ въ одну изъ обителей Курской епархіи.

Сострадательный ко всѣмъ, о. Іоанникій всегда готовъ былъ помочь въ бѣдѣ ближнему, увлекаясь до самопожертвованія, лишь бы исполнить то, о чемъ его просили.

Въ праздникъ святителя и чудотворца Николая, 9-го мая, бываетъ обыкновенно большое стеченіе богомольцевъ въ Святогорской пустыни и немалая тѣснота въ церкви при богослуженіи. Разъ прибыли къ этому дню двѣ прилично одѣтыя нестарыя женщины изъ города Ростова, что на Дону. Одна изъ нихъ была непрадна и, придавленная въ церкви толпою, почувствовала приближеніе родовъ; кое какъ выведенная изъ церкви своею спутницею, въ гостиницѣ монастырской разрѣшилась она рожденіемъ сына. Между гостиничною братією это событіе произвело нѣкоторое смущеніе, и старшій гостиникъ, повстрѣчавшись съ о. Іоанникіемъ, сообщилъ ему случившееся на гостиницѣ и спрашивалъ, — какъ тутъ быть съ этими женщинами, и не выпроводить ли ихъ изъ мона-

стырской гостиницы въ ближайшее село. «Это зачѣмъ, воскликнулъ Іоанникій, развѣ мы звѣри, чтобы такъ поступать?» и самъ поспѣшилъ въ гостиницу, вызвалъ спутницу разрѣшившейся женщины, спросилъ ее обо всемъ подробно, не медля прислалъ нужную имъ желскую прислугу изъ числа богомолокъ, бывшихъ тогда въ обители, распорядился послать за приходскимъ священникомъ для окрещенія новорожденного младенца, такъ какъ іеромонахамъ, безъ особой надобности, совершеніе этого таинства въ Святогорской пустыни воспрещено, — самъ былъ воспріемникомъ младенца отъ купели; и вообще выказалъ самое теплое участіе въ положеніи этихъ посѣтительницъ, вдали отъ дома застигнутыхъ непредвидѣннымъ событіемъ; онѣ остались ему искренно признательны, отецъ же новорожденного, зажиточный Ростовскій купецъ, довольно потомъ благодѣтельствовалъ Святогорской обители и искренно почиталъ о. Іоанникія, уведомляя его письмами о ростѣ и успѣхахъ въ наукахъ его крестника.

Замѣчательною чертою въ характерѣ о. Іоанникія была особая любовь его къ дѣтямъ: въ числѣ посѣтителей Святогорской пустыни очень нерѣдко бываютъ люди семейные, съ дѣтьми туда приѣзжающіе, и эти малютки всегда пользовались особымъ вниманіемъ и расположеніемъ старца; самъ отличаясь чисто дѣтскою довѣрчивостью и простотою, онъ умѣлъ и въ дѣтяхъ вызывать особое къ себѣ расположеніе, такъ что они его не дичились, слушали его и любили.—Дѣтская неспорченная еще страстями природа, говаривалъ о. Іоанникій, всегда вызываетъ во мнѣ утѣшительныя чувства: иное дитя точно ангелъ Божій высматриваетъ, чистота души такъ и свѣтится на его личикѣ, особенно при причащеніи святыхъ Таинъ. Обиженные природою, малоумные взрослые, эти въ своемъ родѣ тоже дѣти по своему несовершенному разуму, тоже пользовались особою любовію и покровительствомъ со стороны любвеобильнаго о. Іоанникія. Мы уже говорили, какъ

любилъ онъ юродиваго Федю и какъ заботился о немъ во время его болѣзни, посѣщая его и исполняя всѣ его желанія; но и кромѣ Федя бывали въ Святогорской пустыни въ числѣ братіи малоумные, съ ними о. Іоанникій всегда умѣлъ дружить: они его любили и слушали, подъ кроткимъ его вліяніемъ въ обители вели себя скромно, работая на послушаніяхъ съ братією весьма усердно.

Со смертью братскаго духовника іеромонаха Кипріана, смиренный и простодушный Іоанникій уклонился занять его мѣсто, хотя нѣкоторые изъ братіи этого и желали, и самъ отецъ Кипріанъ всегда выражался о немъ, какъ о духовникѣ болѣе другихъ опытномъ въ духовномъ отношеніи. Настоятель, архимандритъ Германъ, послѣ смерти отца Кипріана, избралъ его и себѣ въ духовники: это возвысило его во мнѣніи Святогорской братіи; но онъ духовною близостью своею къ настоятелю пользовался всегда такъ благотворно, что ни въ комъ не вызвалъ къ себѣ ненависти или жалобъ.

Очень часто бывалъ онъ посылаемъ настоятелемъ по дѣламъ обители въ міръ, но, вращаясь среди мірской суеты, умѣлъ всегда сохранять душевное уединеніе, стоять неусыпно на стражѣ молитвенной и приносить немалую пользу душевную тѣмъ мірянамъ, среди которыхъ обращался. Особенно любилъ онъ посѣщать своихъ духовныхъ чадъ среди міра. И все это живо и скоро; не любилъ засиживаться долго въ гостяхъ старецъ: свое дѣло сдѣлаетъ и во-своихъ спѣшитъ. Болѣзненное состояніе его тоже отчасти требовало подобнаго движенія и поѣздокъ съ его стороны: засядетъ бывало надолго въ келліи, и пойдетъ у него кровотеченіе гортанью, поѣздки же и движеніе сейчасъ его прекращали, такъ что бывало, — совсѣмъ слабый соберется въ дорогу, а возвратится домой бодрый. Въ вагонѣ желѣзной дороги, и въ вокзалѣ, и на постояломъ дворѣ, и въ крестьянской избѣ, — вездѣ старался онъ послужить на пользу душевную ближнимъ.

Въ келліи у него было очень просто: нѣсколько иконъ, большое количество церковныхъ книгъ, нѣсколько одеждъ, убогій чайный приборъ, убогіе стѣнные часы, вотъ все, чѣмъ удовлетворялись его келейныя потребности. Книги всегда были разбросаны у него по келліи, многія лежали раскрытыми, иныя съ закладками на нужныхъ мѣстахъ, и вообще видно было, что старецъ все свободное время свое посвящаетъ чтенію. Лампада всегда теплилась у него въ келліи у святыхъ иконъ. Всегда онъ по преимуществу совѣтоваль, какъ можно чаще, готовиться и приступать къ причащенію святыхъ Христовыхъ Таинъ. «Кто часто готовится, говорилъ онъ, тотъ невольно дѣлается лучшимъ по внутреннему человѣку, и это уже немалое приобрѣтеніе. Соединеніе же человѣка со Христомъ, чрезъ причащеніе святыхъ Его Таинъ достигаемое, вѣнчая наше убогое и недостаточное приготовленіе, дѣлаетъ насъ и по благодати лучшими, обновляетъ насъ, претворяетъ изъ плотскихъ въ духовныхъ, что каждый, часто готовищійся и причащающійся святыхъ Таинъ, не замедлитъ увидѣть и ощутить въ самомъ себѣ. Не говори мнѣ, что ты неготовъ и недостойнъ причащаться часто: неготовъ, потому что лѣнишься приготовиться, и тѣмъ дѣлаешь угодное врагу, которому ничто такъ не претитъ, какъ человѣкъ часто готовищійся и приступающій къ трапезѣ Господней, ибо таковой страшенъ ему и недоступенъ; недостойнъ,—но кто изъ насъ можетъ признать себя достойнымъ быть причастникомъ Тѣла и Крови Господа нашего? Всѣ мы недостойны сего дара милосердія Божія; но если ради недостойнства своего будемъ лишать себя его, то тяжко согрѣшимъ и Бога отъ себя отдалимъ. Въ недостойнствѣ нашемъ, если сознаемъ его, каемся и жаждемъ въ приобщеніи святыхъ Таинъ получить помощь свыше, и состоитъ достоинство къ неосужденному причащенію нашему святыхъ Таинъ».

«Осторожный самъ въ отношеніи проявленій міра духовнаго,

о. Иоаннѣй всегда остерегалъ и чадъ своихъ духовныхъ отъ вѣры въ сны и разные видѣнія.

Простодушіе его было поразительное, подчасъ чисто дѣтское; нестяжательный, сторонился онъ всегда подарковъ цѣнныхъ, и если когда принималъ, то все въ обитель отдавалъ, соблюдая правила общежитія со всею строгостію; за то малою иногда вещицею, ничего не стоящею, можно было его вполне утѣшить. Любилъ онъ очень все имѣть малаго вида и размѣра: Псалтирь, Евангеліе, Канонникъ были у него самые маленькіе, въ 16 долю листа; такъ же и приборчикъ чайный былъ самый крохотный, чисто дѣтскій; и вотъ ничѣмъ нельзя было его такъ утѣшить, какъ подаривъ маленький стаканчикъ, или чайничекъ, или гребенку, именно поменьше тѣхъ, какіе у него имѣлись.

Къ общей болѣзненности его присоединились и разные случаи, пагубно отозвавшіеся на его здоровьѣ. Такъ однажды идя монастырскимъ дворомъ въ Святогорской пустыни и видя, что приводъ на имѣющемся тамъ колодцѣ неисправно дѣйствуетъ и что исправить его хлопотавшій подлѣ него послушникъ никакъ не могъ, старецъ, недолго думая, сталъ ему помогать, полѣзъ къ вершинѣ привода, и съ нимъ вмѣстѣ оборвавшись упалъ въ глубину колодца, гдѣ легко могъ бы утонуть, но въ счастію задержалъ его на поверхности воды вмѣстѣ съ нимъ упавшій приводъ; тѣмъ не менѣе жестоко зашибъ онъ плечо, руку и бокъ о деревянный срубъ колодца, такъ что почти безъ чувствъ былъ вынутъ оттуда сбѣжавшеюся братіею и долго потомъ болѣлъ, нося на перевязи ушибленную руку. Паденіе это сильно потрясло его физическія силы и, какъ самъ онъ говорилъ, было предвѣстникомъ ему скорого конца. Потомъ произошла новая опасность для его жизни: при одномъ изъ путешествій своихъ по желѣзнымъ дорогамъ, проворный въ движеніи, поспѣшилъ онъ сѣсть въ вагонъ и оступившись упалъ подъ вагонъ, гдѣ благодаря только своей крайней худобѣ избѣ-

жалъ смерти, понавъ въ пространство между вагонами и платформою такъ, что всѣ вагоны прошли мимо него, слегка черкая лишь колесами объ его бокъ. Но все-таки послѣ этого онъ долгое время плохо себя чувствовалъ, бокъ его какъ бы одеревянѣлъ и покрылся синевою. Лежа подъ вагонами и ожидая видимой смерти, мысленно просилъ Богоматерь избавить его отъ подобной бѣдственной кончины: и вотъ, точно кто началъ тянуть его по направленію къ платформѣ, гдѣ оказалось узкое пространство, могущее лишь бокомъ вмѣстить его тѣло, гдѣ и пролежалъ онъ, пока прошелъ надъ нимъ весь поѣздъ.

«Да, близится мое время, видимо близится,—говорилъ не разъ старецъ, и сталъ просить знакомыхъ, по смерти не забывать его въ молитвахъ, а также и родителей его—Никиту и Марю. Не забывай и ихъ — моихъ родимыхъ; если любишь меня, то въ этомъ яви твою любовь».

1-го февраля послѣ вечерни посѣтилъ его настоятель, о. архимандритъ Германъ, и увидѣлъ, что старецъ очень боленъ. Послали за врачомъ, который нашелъ у него сильное воспаленіе легкихъ, призналъ положеніе его опаснымъ, о чемъ и сказалъ настоятелю. Духовникъ его іеромонахъ Аркадій ежедневно наустовалъ его причащеніемъ святыхъ Таинъ, и часто его навѣщаль; сосѣдъ же его по келліи, іеромонахъ Дометій, почти неотлучно былъ при немъ и съ рѣдкимъ усердіемъ и любовію за нимъ ухаживалъ. 8-го февраля совершено надъ нимъ таинство святаго елеосвященія. Въ вечеру 10-го февраля стало ему очень трудно, кончина видимо приближалась; духовникъ прочелъ ему отходную; о. архимандритъ Германъ пришелъ съ нимъ проститься и остался при немъ до конца, который не замедлилъ: въ семь часовъ старецъ вечера тихо и мирно скончался. Многолюдство въ обители было большое, панихиды служились надъ тѣломъ старца весьма многими, и всѣ желавшіе поклониться ему допускаемы были въ его келлію; духота и давка отъ народа были очень

чувствительны. Тѣло почившаго пребывало невредимо, запаха смертнаго не было слышно отъ него, и такъ было оно худо, что, казалось, однѣ кости обтянутыя кожей лежали на столѣ. 11-го февраля совершенно перенесеніе тѣла старца изъ келліи его въ Покровскую церковь обители братскимъ духовникомъ іеромонахомъ Паисіемъ. 12-го февраля въ той же церкви, настоятелемъ архимандритомъ Германомъ соборнѣ съ старшею братією, послѣ литургіи, совершенно отпѣваніе старца по чину іеромонашескому. Гробъ перенесенъ въ подземную церковь обители преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ, гдѣ и преданъ землѣ.